

ISSN 0521-3803

Студенческий МЕРИДИАН

9/86

Ришат
Садиев

Держайте!

«Столкновение обстоятельств»

Садиев Ришат

"Столкновение обстоятельств"

"...Пусть тебе нынче приснится

Залитый солнцем вокзальный перрон

Завтрашних дней."

А. Городницкий

Эта повесть пришла в редакцию из Казани. Из приложенного к ней письма мы с удивлением узнали, что написана она не одним человеком, а целым коллективом бывших участников СТЭМов казанских и неказанских вузов. Выбранные для автора имя и фамилия - всего лишь аббревиатура, а в основу повести лег реальный, поразивший авторов факт. Не без сомнения взяли мы читать повесть, но с первых же страниц она покорила нас своей искренностью, живостью и какой-то веселой злостью. Мы как бы воочию увидели перед собой компанию очень сыгранных ребят, которые, подсказывая друг другу, подавая реплики попеременно с песнями любимых бардов, выясняли для себя, что такое истинная интеллигентность.

И мы решили, что большинству из вас будет интересно познакомиться с творчеством этой замечательной студенческой команды.

1

История действительно началась с того, что в поезде парень приставал к девушке. Вошел в вагон, подсел и предложил замуж. Был трезв, но развязен. Скорее из тех, у кого все понятия сдвинуты по фазе. Экстерьер вполне подходящий: заслуженные джинсы, рюкзак, палатка, гитара в чехле, борода, пустые глаза. Один из многих сомнительных летних ходоков по родным просторам. Девушка, видимо, была из них же, но, по крайней мере, ни к кому не приставала. Облик кинозвезды, но джинсы, футболка, кроссовки. Но отсутствие косметики, украшений и кавалера, да еще очки с толстыми линзами...

- Девушка, можно вас потревожить?

- Пожалуйста.

- Девушка, выходите за меня замуж!

...Упрощенность человеческих отношений? Я ошибся. Впрочем, ошибся не один я.

Вчера вечером этот парень распрощался с московскими студентами, с которыми отдыхал на берегу моря две недели, и остался в палатке один. Этих ребят он встретил в Крыму случайно и больше никогда не увидит. Палатку отдаст хозяину в Харькове. Дотащить палатку до Харькова - плата за доброту москвичей, давших кров незнакомцу, не сумевшему снять квартиру за день пребывания в Керчи и пришедшему на берег с намерением перебраться на пароме до Кавказа. Обмена адресами и телефонами не будет, хотя весело общались две недели: такова игра. В Харькове перед хозяином палатки можно разыграть легкий склероз и спросить якобы случайно утерянный адрес московского друга, но этого не будет тоже.

Сегодня утром - этот самый "залитый солнцем вокзальный перрон", и век бы его не видеть. "Хорошо,

что меня не возили в Крым в детстве, все юга прекрасны в воображении или воспоминаниях, в реальности - никогда. И кому это мы после беззастенчиво врем о прекрасном юге? Себе..." Парень прыгнул в джанкойский дизель.

Десять минут назад он взял билет. Пять минут назад прыгнул. А сейчас шел из хвоста в голову поезда, искал где сесть.

И разговоры, бесконечные вагонные разговоры...

- Мой-то Сашка язву схватил!

- Радуйся, Настасья, пить не будет!..

Да что это у всех мысли в одну сторону?

- В нашем районе нет английской школы, представляешь, кошмар!

А вот это уже скверно. Стоп, послушаем дальше.

- Миш, а тебе не кажется, что мы зажрались? Ну не будет знать английский, человеком бы вырос.

- Раньше интеллигенция без окна в мир была немыслима. Почитай "Войну и мир". Целые главы на французском!

- И что с того? Кучка дворян - знали языки. А мы сейчас блаженно веруем, что образованной была вся Россия. А знаешь почему? Да потому, что о тех, кто не знал французский, просто не писали. Была страна, дикая, спящая, но о ней не писали. А сейчас мы дошли до повального образования, вот и бесимся с жиру.

- Жора, ты не прав!

Парень усмехнулся чисто одесской фразе, и усмехнулся справедливо: говорившие были одесситами.

- Ты не прав, Жора! Образованны - это еще не интеллигенты! Это даже хуже, чем необразованные неинтеллигенты. Потому что повальное образование стирает критерии! Где он, твой интеллигент, покажи мне его, дай подержаться!

Все ясно, отсюда можно сваливать: сейчас начнут интеллигенцию отпевать...

Парень пошел дальше, но застрял около девицы в очках, о чем-то с ней говорил. Потом, очевидно, она его отшила, он резко встал и отвалил вместе со своим скарбом. Но без остановки не обошлось: одесситы продолжали добивать тему, и парень остановился дослушать.

- Жаргон на биофаке МГУ и в воровской малине один и тот же. Униформа у всех одна. Эрудиция, слава богу, у мещанина сейчас на уровне и книг на полке больше, чем у нас с тобой: он-то достанет. А молодежь легко переходит в лагерь мещанина, потому что он предлагает легкие выходы из всех жизненных кризисов сегодня, сейчас, и называет это "стоять на земле". А стоять на земле, Жора, всем сейчас хочется.

- Миш, ну интеллигенция тоже на земле стоять умеет.

- Да что мы умеем? У него на глазах предают любовь ради карьеры, а мы ему: "Чехова читайте"?! О! Посмотри-ка напротив, вот он, твой интеллигент, полюбуйся! Увидел красивую бабу и уже не знает, какой дипломатией на постель намекнуть...

А, ч-черт... Парень вздрогнул. Речь, безусловно, шла о нем. Дежурный разговор, навязшая на зубах тема вдруг заземлилась на НЕГО.

Одессит лет сорока разошелся не на шутку и схватился за сердце. Только что обруганный бородач в заслуженных джинсах молниеносным движением расстегнул ему ворот, столь же стремительно достал из

рюкзака таблетки валидола и нитроглицерина, впихнул ему под язык, рывком открыл окно, стал считать пульс.

- Мерцательная. И давление чуть подскочило. Порядка ста семидесяти. Папазол я сейчас найду. Изоптина, к сожалению, не держу. Живи, Одесса! Вода в этой конторе есть? Хоть пузырь минералки?

И ушел наконец в другой вагон, когда нашли эту несчастную бутылку. ...Врач "Скорой помощи" города Казани Андрюша Панкратов приступил к исполнению служебных обязанностей...

Андрей Васильевич Панкратов, окончивший в этом году Казанский мед, курса с третьего незаметно для других всегда таскал с собой аптечку в дальние вояжи, в дурпоход, а также на особо буйные и массовые вечеринки, хотя сам к своим двадцати трем перенес только аппендицит и на школьном выпускном на спор переплыл Волгу. Безоружным в такой ситуации, как теперешняя, быть не хотел, но афишировать профессию не любил.

...Стук колес и тихий гитарный перебор. Играют Баха в чем-то переложении для гитары. То ли приемник кто-то включил...

И я возвращаюсь назад, потому что во время разговора между этим бородачом и девушкой в очках что-то произошло...

2

- Девушка, можно вас потревожить?

- Пожалуйста.

- Девушка, выходите за меня замуж!

- Я не ослышалась?

- Нет.

- Вы хотите скрасить дальнюю дорогу светской беседой? Покорнейше благодарю, не нуждаюсь.

- Я хочу, чтобы вы стали моей женой. А вдруг именно мы с вами созданы друг для друга? Так зачем же отнимать у себя этот шанс?

- А если я вас не люблю?

- Вы еще не забыли, как произносится это слово?

- У меня очень хорошая память.

- У меня тоже. Вы, с вашей хорошей памятью, можете вспомнить какие-нибудь примеры проявлений любви в нашей жизни? Хотя бы замужеств по любви? Не из литературы?

- Боюсь, что нет.

- Я, к сожалению, тоже. Кстати, я не псих. Могу достать справку.

- Ну ладно, хорошо. С вами, кажется, можно поговорить. Садитесь. Когда прикажете замуж?

- Этой осенью.

- Начнем с самого простого: а если я замужем?

- Очки снимите, пожалуйста. Так, очень хорошо. Девушка, милая, ну давайте не будем состязаться в обмане! На вас нет кольца, а глаза честные. Были бы замужем - на юге без кольца не появились.

- Вас устраивает любая невеста?

- Нет, мой выбор пал именно на вас.

- Я польщена. Первый раз в жизни обращаются в транспорте с такой просьбой. Раньше билетик просили передать или нижнюю полку в поезде уступить, а теперь вот замуж... А что меня ждет дальше?

- Рад, что закаляю вас для грядущих битв

- Благодарю. Чему же обязана таким вниманием?

- Вы красивая.

- Это не довод. Красота - это субъективно.

- Отчего же субъективно? У кинозвезд все габариты в дюймах обмерены.

- Можно иметь идеальные пропорции, но выглядеть отвратительно.

- Один - ноль. Но у меня есть еще довод. Вы ведь сейчас не хотели, чтобы я к вам подошел и затеял этот разговор?

- Безусловно, не хотела.

- Но я ведь подошел. И сижу здесь. Значит, вы, сами того не желая, незнакомого человека на что-то толкнули. Значит, вы уже себе не принадлежите. Это участь каждой красивой женщины.

- Я стараюсь быть независимой.

- Вам это кажется. Независимость - это всегда видимость. Мой приятель в Волгограде встретил как-то в автобусе красивую девушку. Ошалел, но знакомиться не стал.

- Почему?

- В транспорте не принято разглядывать человеческие достоинства. Там принято не знакомиться и скандалить, когда пристают. И мой приятель поступил умнее. Он вышел на ее остановке, пошел следом и, когда она шмыгнула в подъезд, даже не остановился. Она его и не заметила. Потом мой друг огляделся, где находится. Находился он в Тракторном районе, в другом конце от своего Зakanалья. Мой приятель стал анализировать, девица интеллигентного вида, наверняка кончила английскую школу. А на Тракторный район Волгограда английская школа, как известно, в одном экземпляре. Двадцать восьмая. И стал наводить справки среди ребят, окончивших эту школу. Раз школа с английским сдвигом, то в любом институте ее птенцы имеются. Так?

- Дальше был званый ужин у общих знакомых, и эту парочку свели. Так?

- Ну так. Только не надо так пренебрежительно - "парочку", "свели". Девчонка в детском восторге была, когда он ей рассказал, как ее высчитывал. "Вот это рыцарь! Меня как будто в кринолин одели и в восемнадцатый век окунули..."

- Я бы тоже не отказалась, чтобы из-за меня полгорода на уши поставили и нашли вот так же. Сколько он ее искал?

- Полгода.

- У вас хороший друг. Во всяком случае, пока мне нравится.

- И вас трогает этот рыцарский роман? Вы вдумайтесь: девчонка жила вот эти полгода от встречи до знакомства своим чередом, а вся ее судьба была уже предрешена. И предрешена физической красотой этой девчонки. Будто программу идиотскую кто-то уже в компьютер заложил. Вы сможете мне возразить, что девушку неброскую, но с поразительным духовным миром кто-нибудь так же бросился разыскивать?

- Я могу только сказать, что эта пара распадется тихо и сама собой, если у них не найдется духовной общности.

- Бросьте, девушка. Меня вот уже столько раз на моем коротком веку предавали люди, с которыми была полная видимость духовного единства. Значит, в определении духовности можно ошибиться? А вот красоту можно, простите за цинизм, измерить, взвесить, вычислить. Как в архитектуре "золотое сечение". Значит, красота и есть та неразменная валюта, которой можно верить.

- Вы так поклоняетесь красоте?

- Трудно сказать. Но вот в духовность и интеллигентность уже точно не верю.

- Они от этого существовать не перестанут.

- Давно уже перестали, девушка. Интеллигенция раздавлена.

- И чем же она раздавлена, сударь?

- Она раздавлена общей для всех необходимостью устраивать свою жизнь. А это невозможно сделать, не наступив на горло своей интеллигентности.

- Ну, вам-то, по-моему, страдать нечего. Вы, разумеется, давно и успешно наступили, не так ли?

- Нет. Я выбрал другой вариант: не устраивать свою жизнь.

- Вон как? Тогда зачем же вам невеста? Насколько я помню, неуроченная жизнь должна быть непременно одинокой.

- А если я хочу все-таки один раз в жизни жениться по любви?

- Похвально. Но откуда она возьмется? Мы же ничего друг о друге не знаем и вряд ли узнаем.

- Так это же прекрасно, что ничего не знаем! Между нами сейчас нет сердобольных родителей, о которых я считаю излишним говорить, - все уже сказано в "Ромео и Джульетте". Нет дружеской компании с непреклонным разделением мира на "свое" и "чужое". Нет жилищного кризиса, карьеры, зарплаты. Ну?

- То есть вы хотите сказать, что мы сейчас два чистых листа бумаги... и...

- Да. Это единственный шанс вот так, набело, переиграть всю партию без дураков.

- Понимаю. Но как раз в такой ситуации каждый будет хотеть казаться лучше, чем он есть. Может получиться, что мы просто-напросто обманем друг друга.

- Насчет меня вы ошиблись. Я всегда до смерти боюсь показаться лучше, чем я есть, иначе с меня больше потребуют, чем я могу.

- Все равно давайте расстанемся. И вернемся каждый в свою жизнь.

- А что наша жизнь? Очерченный круг, заборы из условностей, знакомства с чужой подачи... Это что, не безумие? У нас в группе учился один уникам: у него когда спрашивали, на ком он женится, парень без тени смущения говорил: "Кого папа с мамой приведут, на той и женюсь!"

- Дитя своих родителей, очевидно. И потом, это крайность.

- Значит, вы его не осуждаете. Ну, хорошо, крайности брать не будем. Возьмем обычный городской роман. Вас представили, свели. Год или два изысканных жестов, кино, цветы. А по том выясняется, что два человека ничего не знают друг о друге. Потому что ухаживанье - это не жизнь. Это скверный любительский спектакль о сладкой жизни.

- Вот на поле боя я тебя перевяжу и к своим на себе. А тут не разберешь, где свои, где чужие...

Одесситы дружно зашлись от хохота. Бородач машинально осведомился у девчонки:

- Вам смешно?

- Скорее скучно. Вы битый час мне доказываете сами не знаете что. Вы выговариваете себе право попирать рамки, которых вам никто не ставил. Да делайте в своей жизни что хотите! Погодите, не перебивайте. Может быть, я ненормальная, но когда мне начинают что-то доказывать и ради маленького доказательства могут сослаться на любой пример или процитировать любое светило, я теряю интерес к этому разговору. Если хотите, я просто не верю этим людям.

- Значит, и мне тоже?

- Значит, и вам тоже...

- В таком случае разрешите откланяться. Честь имею.

- Сомневаюсь, что вы ее имеете.

- Вот что. Я проиграл. Я извиняюсь, то есть прошу вас меня извинить за гусарское знакомство, но я хочу напомнить, что выигрывать, как и проигрывать, нужно с достоинством. И поэтому не вам судить о моей чести. Всего хорошего.

И он ушел в другой вагон, задержавшись ненадолго возле одесситов. Кончилась еще одна обычная словесная дуэль конца второй половины двадцатого столетия. Боже праведный, по какому кодексу чести существуют и прославляются эти дуэли?!

Поезд пилил еще долго. В другом вагоне бородач не заговорил ни с кем. Играл на гитаре, спал, слушал магнитофон через наушники, снова спал. Но когда стал приближаться Джанкой - быстро уложил магнитофон в рюкзак, зачехлил гитару, все проверил и вышел в тамбур раньше остальных пассажиров, чтобы сойти на перрон первым. На всякий пожарный. Привычка.

3

Кто-то дернул его за рукав, когда он уже порядочно прошел по перрону, и сказал ему: "Стой!"

Он обернулся. "Мы давно на "ты"?" И пошел дальше Но она вцепилась мертвой хваткой и остановила его

- Стой, тебе говорят! Не удирай, трус! Поговорить надо!

- Девушка, мы с вами, кажется, уже все основные вопросы обговорили. Ну простите меня, я такой, бабник и циник и очень падок на хорошеньких. А знакомиться нам действительно не надо, я опасный человек, старый штатный ловелас и не украшу вашу жизнь, поверьте.

- Это ты-то ловелас? Да меня еще ни один ловелас не называл красивой. И вообще никто...

- Что же мне теперь с вами делать?

- Я не знаю. И перестань называть меня на "вы". Ну, поговорить хоть бы по-человечески, а?

- О чем? "О полотнах и о моде, о вещах и о погоде"? Я так не умею. Я вообще очень трудно схожусь с людьми. А говорить по-человечески я умею только с близкими, светские беседы мне ни к чему. Да ты ж сама от меня отбивалась, как львица?

- Нет, я сначала хотела тебе доказать, что ты не прав, а потом подумала: у него, наверное, что-то стряслось Что-то давит, и отчаянье ищет выхода. Ты ж не каждый день девушке из электрички замуж предлагаешь?

- Ошибаешься. Я в принципе очень равнодушный человек.

- Слушай, ну ты же сам меня учил не состязаться в обмане. Ты мне сейчас ничего не докажешь. Равнодушие часто как раз последняя степень отчаяния. И отчаяние у тебя на лице было, провалиться мне на этом месте!

- Да не проваливайся ты, живи спокойно. Ну, не люблю я быть слабым. Давай лучше разойдемся по-хорошему, мои передраги останутся при мне, твои при тебе. А то мы сейчас тут заварим кашу - сами не рады будем.

- А может, заварим эту кашу?

- Я себе сейчас напоминаю одного мужика, которого в электричке зажало дверьми, мужик подумал, что ему уже крышка, и выматерился от души на весь вагон. И вдруг кто-то вовремя нажал на стоп-кран и мужик спасся и в этот вагон вошел. И должен был высидеть там всю дорогу. Человек-то был интеллигентный и вдруг сказал о себе людям все, понимаешь ли, очень красноречиво. Так что я пошел класть барахло в камеру хранения, а то я отсюда вообще не уеду. Могу положить и твои вещи, перекусим и расстанемся. Лады?

- Тогда давай считать, что у меня к тебе корысть.

- Это как понимать? Кстати, где твои вещи?

- У меня нет вещей.

- Как?

- А так. Я пришла на вокзал вчера ночью с друзьями поймать мурманский или ленинградский поезд. Заняли очередь в кассу и договорились спать по очереди, как на дежурстве...

- Ты врач?

- Нет еще. Шестой курс. Первый Ленинградский.

- Батюшки! Я ж за твой институт когда-то кровью заплатил.

- Это как?

- Готовили мне после третьего курса бумаги на перевод из Казани в Питер, а я за день до отлета сдуру кровь на дежурстве сдал.

- А почему сдуру?

- А потому что и без меня бы вторую группу в Казани нашли, а мне героизма захотелось. Выкачали из меня пол-литра, и пришлось самолетный билет сдавать. Мне потом неделю ни самолетом, ни поездом никуда чегой-то не климатило. А ты, значит, везучее меня, раз там учишься.

- Да, я жутко везучая. Последние каникулы догуливаю. Вот, догуляла. Утром продираю глаза на вокзале, а мне вот тот, помнишь, одессит Миша и говорит: "Твоим друзьям кто-то продал с рук билеты на мурманский поезд, они в спешке на поезд вскочили и твои вещи забрали". Все правильно. Рюкзак и сумка-то мои рядом с ребятами лежали, а спала я в другом конце вокзала - там скамейка нашлась. Ребята в суматохе про меня и забыли. У меня пятнадцать рэ чудом в джинсах уцелело, паспорта нет - из Симферополя не улетишь. Знаешь, я никогда не думала, что кого-то придется просить, я не знаю, как бы это... сказать. Помогите мне до Харькова добраться, ну пожалуйста!!! Я глазки проводникам строить не умею, и билетов нигде ни черта.. И страшно одной!.. Я больше ни о чем тебя не попрошу, я больше к тебе в душу лезть не буду, прости меня за все, но помогите до Харькова! А там мне родня деньги одолжит, а до Ленинграда я как-нибудь уж сама...

- Как же это тебя угораздило-то? Как это живого человека на вокзале забыть можно? Ты ж не вещь!

- Ну, понимаешь, сейчас время такое - отношения у всех легкие, ни к чему не обязывающие. Знаешь, я это даже непорядочностью боюсь назвать - это именно легкость какая-то... Я ребят ни в чем не виню...

- Ах, вот мы как. Ясно мне теперь, почему одессит Миша считает, что нет больше интеллигенции Я уж

чую, ты по приезде вещички заберешь, мило улыбнешься и ни с кем не разругаешься даже. Низзя! Ведь наверняка все чем-то повязаны, может, родители семьями дружат, может, партия уже с кем-то составила.. А может, ты и сама бы так же кого-нибудь на вокзале посеяла? Да нет, просто вам вместе привычно, ничего не хочется менять. Вот так они и жили... Ну я пошел. Если хочешь, подожди.

И Андрюша пошел класть свои тяжести в камеру хранения, лихорадочно думая на ходу, что же случилось.

"Что же случилось? Меня действительно считают в компании штатным донжуаном, и я уже знакомился с девушками в поездах и на улицах - и все, с иронией и блеском, как хорошая шахматная партия, и каждый раз ухитрялся выманить адрес, и дальше дело не шло... Где-то в разных концах Союза лежат мои адреса настоящие: Казань, Достоевская... И мне никто не пишет и не звонит из ЭТИХ. Значит, мы все не нужны друг другу, как не нужна никому эта красивая девчонка. А почему она должна быть нужна МНЕ? Почему я должен играть в благородство? Мне больше всех нужно? Ну что я плохого сделаю, если вот сейчас сяду на любой автобус и уеду? Тут же сразу на выходе - автостанция. Сесть на любой. И уехать. Я-то ее вещи не заберу, а до Харькова за свои 15 рэ она и без меня доедет. Ну, вспомнит недобрым словом, но зато каждый из нас вернется в свою жизнь. Да-с. Просто все, как самосвал. И подленько. Потому что до Питера без теплых вещей - не дай бог где-нибудь сменится погода, и тогда девчонке худо будет. А родня в Харькове? А вдруг родня дальняя и давно адрес не тот? Или просто родня в отъезде - тоже невелико счастье. Нет. Как я мог ХОТЕТЬ ее бросить? Как я мог?! И наконец, что бы она о себе ни плела, она же все-таки красивая. И одна. И черт его знает, какая сволочь может попасться на пути и что этой сволочи придет в голову. Нет. Мы должны быть в ответе за тех, кого приручили, или как там у Сент-Экзюпери? Нет. Я не уеду. Чем больше негодного творится вокруг, тем больше мы должны оставаться людьми. Господи, только бы с ней не стряслось ничего!.."

Вещи в камеру хранения - и бегом назад. "А вдруг не дождалась? Нет, стоит, значит, тоже во что-то еще верит".

- Как тебя звать-то, коллега ты моя покалеченная?

- Наташка.

- А я Андрей. Пошли заправляться, через сорок минут электричка до Мелитополя. Дальние поезда здесь не штурмуют - это Джанкой.

- Ты на "Скорой" работаешь?

- Да, а как ты допетрила?

- Жаргон у вас, да-а. Немудрено. У наших молодцев на Первой Гвардейской те же обороты, если не хлеще. Ну пошли...

- Ты с Петроградской?!

- Да!

- Здорово! Я там как-то очень не хило встретил Новый год. Ну да ладно, это я как-нибудь потом расскажу. В общем, время, которое у нас есть, - это деньги, которых у нас нет! Погнали!

...Для тех, кто не был в привокзальном ресторане Джанкоя: тут кормят вкусно, дорого и неторопливо. И всегда есть в заначке пепси-кола. Вот и сейчас официантка вынула из холодильника запотевшие бутылочки - "для друга".

- И для меня оставь, мать!

Андрюша хлопнул официантку по плечу. Этот язык официантка явно понимала. Затрапезный вид

посетителей ее не смущал: в Крыму не то увидишь.

- Что будем заказывать, молодые люди?

В ресторане в это время рождался очередной скандал. Два пожилых мужика опаздывали на поезд, а кормить их явно не торопились. Днем, видать, пообедать не пришлось. Поезд, куда им садиться, - без ресторана. Лишний день без обеда - годы уже не студенческие. Ситуация читалась легко и однозначно. Мужики допустили тактическую ошибку: сорвались на крик, вызвали ответный, им стали указывать на дверь. Панкратов поймал себя на том, что, хлопнув официантку по плечу, он отбил обед именно у этих двух. И от своего умения находить общий язык хоть с кем, которое со временем приобретает всякий врач "Скорой", стало как-то не по себе.

До их поезда оставалось минут двадцать. До своего - полчаса. Обед уже стоял на столе. Мужчины - о горе! - стали требовать начальство.

- Подойдите сюда, пожалуйста! Да, да, вы! - неожиданно твердо сказал Андрей ошалевшим мужикам.
- Садитесь и ешьте, а мы себе закажем еще.

Мужики в нерешительности застыли. И вдруг Наташа сняла очки, подошла прямо к ним и сказала, глядя в упор:

- Ну, пожалуйста. Мы-то сытые, в общем. Я вас очень прошу, садитесь!

...Мужчины доконали обед с волчьим аппетитом, торопливо раскланялись и оставили на столе пятирублевку. Наташка хитро посмотрела на Андрея:

- Господи, мы, оказывается, с тобой еще не забыли человеческий язык?!

- Вспомнишь тут. И без обеда останешься. Ты хоть ела сегодня?

- Завтрак съела, а вместо обеда с горя купаться пошла. Слава богу, купальник на мне остался, так я хоть с морем попрощаться решила.

- Горе ты мое. Сейчас ведь и с ужином распрощаешься!

И тут щелкнул вокзальный матюгальник.

- Пш-пш-ктропоезд Симферополь-Мелитополь опаздывает на сорок минут!

Милый сердцу беспорядок на железных дорогах!

4

Подкатила почти пустая электричка, они вбежали туда, сытые и веселые, и первой заговорила Наталья. Она сняла очки, отчего-то покраснела и здорово от этого похорошела.

- Простите, сэр, а что бы вы делали, если бы меня не встретили? Я понимаю, это несколько нескромный вопрос, но все-таки?

- Извините, мэм, но как раз в этом случае я бы знал, что делать. Я сегодня действительно прочувствовал, что такое - знакомиться в транспорте. Правду дяди и тети говорят - это неприлично и несимпатично! Ты же все мои наполеоновские планы под откос пустила...

- Так тебе и надо, нечего на хорошеньких девочек смотреть! А позвольте узнать, у вас была невеста?

- Была. Сплыла по распределению в целевую аспирантуру.

- Какой полет! А как же любовь...

- Какая там любовь... Была любовь и кончилась, как только я не вписался в орбиту ее полета...

- Тогда это была не любовь, а привычка друг к другу. Обычная история.

- Легко всегда судить постфактум. А пока все происходит с ТОБОЙ, никогда сам себе не признаешься, что любовь у тебя игрушечная. Стыдно же...

- А ты вообще в любовь-то веришь? Может, ее и нет на свете-то?

- Верю, конечно. И есть она, пока по ней кувалдой бить не начинают.

- Какой кувалдой?

- Да все той же. Расчетом, карьерой, "наш" - "не наш". Ну вот, по мне стукнули - я и сдался. Думаю себе: "С любовью у меня не получилось, а жениться надо. По любви не выйдет, по расчету - гадко, остается - на красивой, чтоб не обидно было".

- Высокие же у тебя помыслы. А как с духовной общностью тогда быть?

- Я ж тебе говорил: духовность - ее с ерудицией перепутать легко, а вот красоту - ее ни с чем не спутаешь. У красивых девушек в принципе есть одно уязвимое место. Зачетки у них обычно ни к черту не годятся: учиться-то им некогда. А в городе остаться ой как хочется. Ну вот, они перед распределением и ищут себе жертву. Так что остается только вовремя жертвой прикинуться, остальное уже, как говорится, дело техники.

- А самому потом противно не станет?

- Ну я же с откровенной дрянью знакомиться не собирался. Сколько угодно есть на свете крепких середнячков. Для высоких чувств у них ни воспитания, ни врожденного таланта нет. Все по плану, замужество тоже - ну, как окончание института или покупка телевизора. Люди эти в принципе неплохие, семьи с ними даже крепче получаются, чем по любви.

- А это почему же?

- А потому что расчет - не любовь. Он кувалды не боится, он сам - кувалда. А что любви не было - эти люди потом никому не скажут. Они же книжки читают, телевизор смотрят, знают, что без любви жить не принято. Мне уже обещали с такой девушкой познакомиться. И тут - ты...

- Слушала я тебя, слушала и думаю: ты такой же подлец, как все мужики, или все-таки в тебе человека больше?

- Не мне судить. Но я для себя уже решил: чтобы не скатиться на подлость, надо вкалывать в сто раз больше других.

- Не вижу логики. Подлецы тоже часто людишки не ленивые.

- И все-таки когда вкалываешь, то меньше соблазна сподличать ради карьеры. Это уже вроде как лишнее получается.

- С работой - это понятно. А с невестой как?

- С моей-то? А никак. Она заради аспирантуры через меня перешагнула, а я чем хуже? Я тоже через себя перешагну: помимо "Скорой", буду три года свое здоровье гробить, из лаборатории не вылезать. И я ее обгону с этой кандидатской, невесту свою бывшую. Не в отместку, для себя.

Резкий голос заставил их обернуться назад:

- Памятник тебе из бронзы или из гранита заказывать?

Лысый дядя интеллектуального вида с командировочным "дипломатом", очевидно, уже с утра немного принял.

- Ты одолеешь одну цель, у тебя появится новая. Чем больше достигнешь, тем больше захочешь еще. Я вообще не верю, что кто-нибудь выходит в люди мало-мальски без грязи, просто на ком ее не видно, тому и не стыдно. Так что не пудри даме мозги. Лучше быть проще и скромнее, ближе к массе.

Андрей осведомился довольно сдержанно:

- А по какому праву вы вмешиваетесь?

- Видите ли, я уже человек отпетый. Хронический командировочный, так сказать. Так что я давно уже без тормозов.

- Это что, профессия? Или призвание?

- Скорее судьба. Или, если хотите, диагноз.

- Дядя, тебя какая муха укусила?

- Какая, какая... Такая! Все у тебя хоккей, вот и сидишь болтаешь, что подлость тебе не нужна. Правильно, пока тебе на любимую мозоль не наступят, так и будешь по жизни добреньким ходить. А вот я уже не смогу. Насмотрелся. У меня, между прочим, тоже мыслишки кой-какие насчет жизни есть. Физику учил, борода?

- Учил.

- Закон сохранения энергии помнишь?

- В общих чертах.

- Я тоже не физик. Ну так вот, подлость-то, она тоже из ничего не появляется и никуда не исчезает. Интересная мысль?

- Что же с ней происходит?

- Да мы все передаем ее по цепочке друг другу. Вот тебе сделают гадость или при тебе ее сделают, и у тебя в душе появится такой заряд цинизма, что где-нибудь ты все равно не сдержишься. Наплюешь кому-то в душу или пройдешь мимо там, где мог бы вмешаться и помочь. И следующего человека зарядишь...

- А если не наплюю?

- Это невозможно. Такой заряд в себе долго не протаскаешь. Пока на ком-нибудь не отыграешься, будешь больной ходить. Человек так устроен. Понимаешь, человек так устроен!..

Дядя с "дипломатом" пошел к выходу. Приближалась Новоалексеевка. Не доезжая Мелитополя, они вышли на маленькой станции. Человеческого тепла больше не там, где больше людей, на то и был расчет: в этой дыре со скрипом, но ночлег будет. Объектом атаки выбрали автостанцию. Несколько минут стука разбудили сурового сторожа. "Шо нада?!!" - "Ночевать не пустите?" - "Три рубля с носа, а то много вас тут шляется!"

Не очень уловив связь между твердой таксой и количеством ходоков по запорожской степи, потрепанные молодые люди покорно раскошелились. Комфорт соорудили: расстелили на вокзальных скамейках два московских спальника; завтра в Харькове их отдавать, а пока нечего церемониться. Чем-то закусили, чай одолжили у деда и расхотели спать. Включили Андрюхин "Панасоник", или, по-свойски, "поросенка", что у рижского матросика был куплен по божеской цене - все ночные дежурства за пятый курс. С "поросенком" вылезли на улицу - ночь в августе, на юге, звезды большие - какой тут сон. Мир вовсю гудел музыкой. По "Маяку" Алла Борисовна, по Франции чтой-то разухабистое, под аккордеончик, по Италии Пупо, Тото, кто-то. И вдруг из темноты резкий, чистый, добрый и ироничный голос Джона Леннона. Голос, который знают без малого все четыре миллиарда ныне живущих. Андрей вынес из домика гитару,

протянул Наташке:

- Поехали! Песни распевать не стали - время позднее. По очереди задумчиво бренчали, пока из домика не вышел дед:

- Не пойму я вас, черти, за шо тры рубля отдали? Залетай по одному!

Дед забурился и заперся у себя в каморке, а им осталась целая автостанция и два спальника на вокзальных скамейках. Первой разделась и нырнула в спальник Наташа. Андрей тихо вошел, запер автостанцию изнутри и улегся сам. Дедуля оказался молодцом - поднял к первой электричке, помог упаковаться и прямо в электричку их сонными и заснул. До Мелитополя отоспались, в вокзале умылись и перекусили, по очереди сторожа вещи, перед Запорожьем замелькала в окнах днепровская вода и захотелось передышки.

Вещи в камере хранения, вокзальный ад за бортом, город тоже. Они лежали на песке в укромном углу Хортицы, откуда не видно, что находишься в центре русского Рура, и их никто не видел. Наплавались до одури и изучали друг друга в пляжном обличье. "А купальник у нее точно как у кинозвезд - однотонный и до предела открытый". Наташка перехватила взгляд:

- Во-первых, не пяйся. А во-вторых, тут смотреть нечего, он не фирменный, я сама с итальянской выкройки слизала.

- Да я не об этом думаю. Ну как, думаю, такая красивая до последнего курса незамужней дотянула?

- А что ж не дотянуть? Я за институт нигде больно в свете не мелькала, там без меня есть кому помелькать.

- А ты чем же занималась, пока они мелькали?

- Да так, всем помаленьку. А все больше работала в реанимации - сначала санитаркой, потом сестрой, а сейчас в реаниматоры и подамся.

- В принципе не бабское дело, хотя баб туда порядком напускали.

- А мне и так все говорят, что у меня повадки мужицкие. И в юбке-то почти в институт не ходила, только в джинсах и в любимом свитере.

- Выходит, весь институт свою хорошую внешность от всех прятала?

- Вроде так. И еще очки, конечно. Тоже хорошего мало.

- Так все ж в твоих руках. Сходила бы, контактные линзы поставила.

- Очередь большая, а близорукость у меня средняя. Мне неловко встрывать, линзы-то очень многим гораздо нужнее, чем мне. Ничего, переживу.

...Доктор, ну до чего же ты славная! Боишься кому-то встать поперек дороги, даже если речь идет о твоих глазах. Панкратов вспомнил, как их группа на пятом курсе ворвалась в кабинет какого-то шишки-окулиста и потребовала вне очереди поставить линзы вот такой же скромняге с десятью диоптриями близорукости, и как стали ухлестывать за Галкой кавалеры, когда открылось миру ее иконное лицо и глаза, большие и детские.

- Наташка! - сказал он.- А по-моему, дело не в твоих трепаных джинсах. Просто мы все разучились любить нормальных, живых людей. Ищем каждый киногероя, а друг мимо друга проходим и не замечаем. А вот скажи, ты хоть раз кинозвезд не на экране, а вот так просто, нос к носу, видела?

- Да, видела. В Ленинграде все ж таки живу.

- Ну и как они тебе?

- Люди как люди. Ничего с виду особенного нет. Как мы с тобой, такие же.

- Правильно. Только их гримируют, освещают и выгодным ракурсом снимают. Так что, если говорить о внешности, а не об актерском таланте, мы бы с тобой очень не худо с экрана бы смотрелись.

- Ишь размечтался. Про нас сымасть нечего.

- Да я ж не об этом. Просто у многих из нас будто два мира. Смотрит человек киношку, весь мир для него раздваивается. Там, на экране, - люди красивые, дела настоящие. А в своей жизни - дела мелкие, люди некрасивые. И вот начинает такой человечек на собственную жизнь будто с экрана смотреть: на себя сверху вниз и на других сверху вниз. Главным образом на других, ясно дело.

- Ну пускай смотрит. Дуракам закон не писан.

- А если от этого дурака твоя судьба зависит? А он же как на всех смотрит, так со всеми и поступает. Потому что для него все, что не с экрана, на одно лицо. А не могут все быть на одно лицо. Ты в кондитерской Вольфа была когда-нибудь? Это у вас, в Питере.

- Конечно. Там Пушкин бывал, музей сейчас открыли.

- Думаешь, вот когда Пушкин с друзьями там собирались, они знали, что они - плеяда, эпоха и солнце русской поэзии?

- Ну, я понимаю, не знали и знать не могли. Но ты к чему это?

- Да вот у нас одна скамейка есть в Казани, где компашка наша собирается. И я часто думаю: а вдруг там когда-нибудь придется мемориальную доску ставить: "Здесь в такие-то годы собирались такие-то светила"? А сейчас эти светила друг друга в грош не ставят, ссорятся по мелочам, нервы треплют...

- Да ради бога. Гениям закалка не во вред, легкая жизнь их убивает.

- Не в этом суть. Просто не надо искать гениев и героев где-то в потустороннем мире. Надо искать людей среди людей. У меня друг один очень хорошо как-то сказал: "Не надо бояться вглядеться в человека, который заведомо кажется эпизодом в твоей жизни". Это просто, но до этого надо дойти. Ну пошли. На вокзал.

До Харькова доехали без приключений, разбрелись по родственникам и сговорились встретиться завтра днем у "Кристалла" в парке, где всегда стоит хвост за мороженым.

5

Вот и встретились. Харьков не Крым - не сговариваясь, приняли оба приличный вид. Теперь к этому требовался соответствующий интерьер. Двинули по барам. В шоколадном баре Андрей зачем-то на минуту отошел от столика и вдруг почувал на плече тяжелую руку. Обернулся. За спиной стоял колоритный хлюст.

- Телка с тобой?

Драка не состоялась: Панкратов слишком спокойно и без вызова ответил "да" и элегантно перевел внимание на стайку девиц, явно жаждавших интима. Когда вырулили в какой-то тихий скверик, Наташку вдруг осенило:

- А твоя невеста не в харьковскую ли аспирантуру подалась?

- Мать, я тебя просто бояться начинаю. Она здесь. Но как ты?..

- Ты очень напряженно смотришь на прохожих. Боишься ее встретить. Сегодня воскресенье, и все пасутся примерно в этих краях.

- Тут полтора миллиона населения. Вероятность нулевая.

- Да нет, правильно боишься. И Харьков - город маленький, и Союз - страна маленькая. Я это давно поняла.

- Наталья, все равно, поехали из центра. Я здесь долго не выдержу. Нам же еще палатку с вокзала забрать и хозяину забросить. А дальше, я думаю, адресами обменяемся и разъедемся. Нам же теперь с тобой в разные стороны. Поехали...

"Зачем я сказал эту последнюю фразу? Что же это получится: там, в Джанкое, не удрал, а здесь формально я свои обязательства выполнил, до Харькова доставил, и можно - каждому обратно в свою жизнь? А что там у меня осталось, в этой жизни? Наташка же права: от хорошей жизни девушке из электрички замуж не предлагают. А от какой предлагают? Что такого, собственно говоря, у меня стряслось, чтобы на стенку лезть? Люди ж вылетали из института. Женились из-за ребенка, отцом оказывался другой, все прокляв, разводились. Отбывали по распределению в Тьмутаракань. Штурмовали ВГИК и ГИТИС, доходя до нервного срыва так, что потом техникум осилить не могли. Невест из-под венца теряли! Все на моих глазах, но как за бронестеклами: я невредим и ни при чем. Зачем же зазря плакаться? Институт с отличием кончил, под родительским крылышком остался, без денег не сидел, нервы и здоровье не угробил, бессонницу от экзаменов не нажил, от поклонниц отбою не было. Хорош страдалец: ни одного ЧП за сознательную жисть..."

...А все-таки прокручивал в своей памяти до самых мелких деталей день своего распределения в институте. Странно. В этот день, казалось ТОГДА, настроение не испортилось даже. А потом вспоминал его и вспоминал без конца. Станный мартовский день. Трамвай. Метро. Снова стук колес. Ехали молча. И на вокзал, и с вокзала, я без палатки, и с палаткой. Еще немного, и они, Обменявшись адресами, разъедутся в разные концы Союза обычными дорожными знакомыми. Холод. Он как будто шел из того странного мартовского дня.

Станный день в марте начался еще накануне ночью. Пара нервных звонков: малознакомые однокурсники почему-то именно у него спрашивали, когда приходить, в какую аудиторию, даже этаж уточняли. И неперенный вопрос:

- Ты спишь?

- Да

- А вот я не сплю. И как ты можешь спать в такую ночь? Завтра же все решается. Вся судьба. ВСЕ!!!

- Ради бога, дай выспаться!

- Ну, конечно же, у тебя-то все уже на мази...

Как будто ради этой последней фразы все и звонили. Кто им сказал, что это он, Панкратов,- баловень судьбы? Да он сам и сказал. Привычка никогда не плакаться была самозащитой, а читалась по-другому: мол, плакаться Панкратову не об чем.

Придя на распределение, Андрей вздрогнул: так они все повзрослели! Перемен в себе вроде больших нет. Новые фамилии скоропостижно замужних режут слух.

- ... -Терапевты, приготовиться! Панкратов Андрей Васильевич, средний бал 5.0 - зайди на минуточку перед всеми! Перерыв!

С ним хотели поговорить наедине.

- Панкратов, будешь распределяться сейчас.

- За что такая честь?

- Ты по баллам первый из терапевтов, и потом тут протокол вести некому. Ничего особенного. Но

аспирантуры тебе нет. Не дали места. Панкратов помедлил и назвал район поглуже:

- Давайте Старое Дрожжаное.

- Не горячись Думаешь, что ты сейчас себе подмахнешь зачисление в столичную аспирантуру через три года? Там после района, конечно, возьмут. Так?

- В общем, да.

- Это по-мужски. Честный ответ. Я понимаю, ты бы в районе поработал хорошо. И биографию эффектно начинать, и в Москве после аспирантуры осесть. Но зачем тебе это? Гол престижа? Так и в свои ворота забить можно. И потом аспирантура - это ведь допинг. А допинг - он не всем нужен. Согласен?

- Согласен.

- Ты на "Скорой" подрабатывал когда-нибудь?

- И сейчас работаю.

- Другие бы на твоём месте похлопотали о вызове.

- Это не в моих правилах.

- А вызов-то на тебя пришел. И просят никому не отдавать Ревную. Ну?

- Да

- "Господи, как я мог захотеть смыться из Казани? От больных родичей, от скамейки, от всех-всех-всех..."

- Да, конечно. Спасибо. За полжизни на колесах.

- Хорошо. В первое время на полторы ставки не гони, раздайся лучше с кандидатской. Я верю, ты и без аспирантуры сможешь.

- Да я же все дурью мучаюсь и песенки пою.

- Ничего. Володя Менделевич пока что лучше тебя на гитаре играет и весь Союз с песнями исколесил, а все равно защитился. Не отставай. Есть?

- Есть.

- Все. Ты при месте. Садись писать протокол.

Зычный голос старосты курса привел всех в боевую готовность:

- Терапевты, по баллам, сами сообразите кто за кем. Жарова Елена Николаевна, приготовиться Садыковой!

Лена Жарова, конечно, останется здесь - идет по баллам вторая. Ленка! Сколько пудов соли вместе съели! Как выручали друг друга на сессиях! Как пели вместе! Никто на свете так не понимал Панкратова. Ленка видела мир так же, понимала с полуслова, что там говорить. Две недели назад он сделал ей предложение. Четкого "да" не получил. Ленка была очень усталая и сказала, что сейчас на нее навалятся такие события, что маму родную позабудешь и решать она сейчас ничего не в состоянии. Но расстались нежно, и все было почти ясно.

Андрей ждал, что сейчас они улыбнутся друг другу, но увидел детский ее испуг. А дальше все как в тумане: кто-то зачитал вызов из Харькова, кто-то заулыбался, кто-то стал поздравлять. А вот дальше все четко и вряд ли когда забудется: Ленка на выходе из комнаты, ее поза велосипедиста на финише гонки - руки вскинуты вверх, лицо тоже к небу и победный возглас "Харьков!!"... "Ни к кому претензий не имею, каждый выбирает для себя". Ну, вот оно, предательство, собственной персоной. Чуть не рванул из-за стола

- выбежать в коридор и объясниться. Еле удержался, заставил себя сидеть и строчить.

Когда странный мартовский день кончился, начались путанные объяснения с Ленкой. "Я замотана. Все очень сложно. Мне надо сменить обстановку". Зачем? Искал ей оправдание и не находил. Самое простое - если бы в Харькове у нее был парень. Но Ленкины родители, он уже не помнит точно кто, нечаянно обмолвились: "У Леночки ведь там ни родни, ни связей, ни друга". Да и отшила бы давно Андрея, если б ехала в Харьков из-за жениха. И Панкратов содрогнулся и похолодел, когда осознал то, что было проще и страшнее: Ленка из тех, для кого престижный город и престижная работа отключают все остальные эмоции - дружбу, любовь, привязанность, чувство различия между хорошим и плохим человеком. Для этих людей мир делится на "там" и "здесь". И ни на что больше. Значит, она знала заранее, что в Казани доживает последний год. Почему же весь этот год нянчилась с ним? Чтоб не скучно было? Или выгадывала?

"А если и мы повыгадываем? Переберем варианты? Лия из консерватории - слишком уж талантлива. Две Ольги с четвертого курса: одна поумнее, фигура похуже, другая наоборот - фигура есть, ума нет, даже родителей знакомить стыдно. И кто тебе сказал, что они не заняты? Эля Садыкова - я шесть курсов ее в упор не видел, а сейчас руки просить буду? Скотинка ты домашняя, Андрей Васильич, хорошо, что никто в твои мысли не заглядывает..."

Потом был пошлый ресторанный выпускной, который как будто хотел заслонить собой воспоминание о легком и воздушном школьном. Не выйдет!! Все незамужние с курса пришли с парнями: верный знак, что за интернатуру выйдут замуж и останутся где хотят. Демонстрация силы, так сказать. Пришла без мужика только Садыкова, самая-то красивая с курса. А мы-то какую девку прозевали, уедет в район - и ищи...

Наташка не дала додумать. До боли знакомым движением дернула за рукав:

- Нам когда выходить?

Хозяин палатки оказался таким, как его описывали москвичи: пожилым и хмурым. Но вдруг, изучив ребят, заулыбался:

- Ты Андрей из Казани, так я понял? А дивчина тоже, видать, не наша?

- Я из Ленинграда. Меня Наташей зовут.

- Ну, оно и видно, что не наша. Наших сразу видать - одевают только подороже, а вкусу никакого. А что вы стоите, проходите, чаем напою!

Вот тебе и хмурый мужик. А на двери-то табличка: "Профессор..." И точно, москвичи же говорили, что у одного из них дядька - профессор в Харькове. Старый дом, везде книги, старая мебель. Видно, дядька из старой харьковской профессуры. Повезло же - в таком доме запросто чаю попить. Поговорили о том о сем. О племянниках профессор отозвался сухо: "Идут по жизни, как баржи. Своего ходу ни грамма. Только гонор столичный". Посетовал, что обмещаниваются студенты: "Я на работу пешком хожу. Пока дойдешь, две-три машины остановятся, предложат подвезти. Наши купчики". И вдруг профессор внимательно посмотрел на Наталью:

- Я так понимаю, вы с Андреем недавно знакомы? В Керчи, если я не ошибаюсь, он был один?

- Три дня. Даже говорить неловко, в поезде познакомились.

- А что тут зазорного? Сватовство, в моем понимании, гораздо более постыдная вещь. Оно ведь, по сути, предполагает полное неуважение к личности в человеке. Или насилие над ней. Ой, ну да я не об этом. Вам ехать-то вместе?

- Ну, как сказать... Как Андрей скажет.

- Просто у меня два билета до Москвы пропадают. Дочь и зять на самолет взяли, а я им на поезд. От

страху накладка получилась. Берете?

Вот так все неожиданно и решилось. Рассчитались за билеты, уже стояли на пороге, и тут профессор посмотрел на ребят в упор и как-то тревожно сказал:

- Будете в Харькове, ради бога звоните, заходите. Ну, это и так ясно. Ребята, вот вы люди нездешние: скажите, только честно, как на духу. Мещанский у нас город? Положа руку на сердце?

- Ничего не попишешь,- сказал Андрей.

Профессор вдруг улыбнулся:

- Леди и джентльмены, а вы знаете, что герб Харькова украшает вершину Эвереста? Нашлось, значит, кому донести. Нашлись и в нашей дыре вот такие люди, что из теплого южного города лезут в горы и ломают хребты. Интересно, а? Вот ведь как часто получается! Города, конечно, как люди, могут обмещаниваться и развращаться, но люди-то, как города, могут выдержать любую осаду. Держитесь крепче, ребята!

Москва обняла давкой, самой большой в Европе,- Курским вокзалом.

...На "Профсоюзной" - ни эскалатора, ни давки. Пятнадцатого апреля сего года в девятнадцать пятьдесят шесть по московскому худенькая девчонка, брюнетка с черными-черными глазами, покачнувшись, упала и пролетела лестницу сверху донизу, пока не остановилась. Очнулась - пожалела, что не в узком коридоре эскалатора, где со всех сторон люди, а на этой вот безлюдной станции настиг ее обморок.

Два негритянских паренька с медфака "Патриса Лумумбы" писали ее учебную историю болезни, два лечащих врача - настоящую, бегали кругами какие-то аспиранты, ожесточенно шушукались докторанты. Обычная жизнь университетской клиники. И травма-то, по всем учебникам, несерьезная - сотрясение мозга, а попробуй переживи-ка сам. Отца недавно перевели из Казани в столицу, документы идут из Казанского меда во Второй Московский не иначе как с залетом в Буэнос-Айрес, и тут - пропустить две недели!

И где только наша не пропадала!

Гнала зачеты, как курьерский поезд. Невропатологи обрадовали: склонность к обморокам останется в подарок на всю жизнь, а посему учись падать и всегда носи с собой нашатырку. И еще обрадовали: обморок ты, доктор Назарова, получила из-за московской нервной жизни. Жила бы в провинции, воздухом дышала - ничего бы не стряслось такого...

- Панкратов, у тебя совесть-то есть? Хоть бы ради смеху два раза с одной и той же притащился!!! Ну, захады, ар"л!! Вас небось ышо и завтраком кормить? Ой, какой у нас видон; браво, браво, маэстро!!!

...Какая ты была, такая и осталась, Анька Назарова. Твой черный огонь впишется в любой пейзаж - что в хибары, что в хоромы... Ну как ты тут?

- Как живу? Ничего живу. Худо-бедно, а еще одной казанской сиротой в столице больше. Вот. А когда мне скучно - прихожу на Казанский вокзал и в грузчики прошусь. И вообще "удивительное дело - головой с балкона вниз"!

- Ты еще шутишь?

- Шутю. Это все, Андрюш, от несерьезности моей жизненной позиции, как бы моя мамочка сказала. А коли серьезно - ничо хорошего. Не привыкну я к этой столице и привыкать не хочу. Тут полжизни на одну езду уходит. Да и не в этом дело. Все кругом нервные какие-то. Это ж в провинции все по-свойски и запросто. А тут тебе такое "запросто" покажут - не хуже моего сотрясения! К этому не подступись, с тем не

заговори - тот талант, этот гений, а этот мыслитель. Каждый со своим комплексом. С группой с первого дня в штыки. Потом, после травмы, меня те полгруппы, что приезжие, под опеку взяли. До дому аж провожают. А москвичи до сих пор... Березовые девочки.

- Ну, дубовые - это я знаю. А березовые - это что?

- А это те, что, кроме как из магазина "Березка", одеваться не хотят. Я от этих девочек первый раз в жизни выражение "проклятый стройотряд" услышала. Андрюшка, это ж мне после наших-то костров и песен как ножом по сердцу! А еще тут был случай: на Садовом "левака" тормознула, лень было до метро пешком идти. Оказался киношник какой-то. И жить меня учить стал. "Ваши,- говорит, капуста - кислые, кампаши - развеселые, джинсы - линиялые, гитары эти, клички да жаргончики - это все помойка жизни и кончится скоро. Классиков надо читать и самоочищаться". А три рубля не забыл взять, апостол. Видать, на Рембрандта не хватило, швейцарского издания. Я так думаю.

- Так что пока одна? Оборону держишь?

- Держу. Одна как сын. Пару раз после разговора с Казанью как трубку повешу, так кубарем из хаты на нашу скамейку бежать: забывала, что в Москве живу. Ну, когда в подъезд выходила - сразу все на места. У меня тут, кстати, наверху один ярый джэззмэн обитает. В два часа ночи, кады поддаст, оч хорошо на рояле мпровызырует. Савсэм как ты перед сваей кралей из кансэрватории. Пардон, я тебя, кажется, компроминтирую перед тваэй дамой? Кстати, ты меня с ней еще не познакомил, это очень мило с твоей стороны. Дама, представься сама!

- Наташа Белецкая. Первый Ленинградский, шестой курс.

- Аня Назарова. Второй Московский, пятый курс. Панкратов, тебе что, уже в Казани простору мало? Наташа, как ты могла стать жертвой этой старой вешалки? Вах! Брысь отсюда, Панкратов! Видеть этого бабника больше не могу!

6

Андрей покорно исчез в комнату. Девчонки остались на кухне мыть посуду и судачить. На Анькином кассетнике "жарились макароны" - девяносто минут сборной Италии. По хате бродил кот Крокодил: что бы такого сделать плохого?

- Наташка, где он тебя нашел? Он же у нас столичных девушек в грош не ставит?

- Анька, он же на "Скорой" работает?

- Как? А мне ничо не сказал. Панкратов!! Подь сюды! А куда твоя кафедра девалась? И полгода молчать?!

- А почему я должен был говорить? Добавить тебе второе сотрясение? В конце-то концов, не бог весть какое событие.

Панкратов по дороге на кухню успел вытащить из книжного шкафа фотографию нагловатого супермена лет двадцати пяти, на фоне современной операционной. Анька этого не заметила и продолжала натиск:

- Зачем ты туда пошел? "Скорая" - это ж чуть поумнее, чем перетягивание каната! Ты же шел первым, зачем взял?

- Во-первых, чтобы за три года спокойно защититься, придется пойти и на перетягивание каната. Зато знаешь, скольких поклонниц поотшибало?! А у тебя, как я понял, прибавилось?

И тут Анька разглядела снимок в руках Андрея.

- Можешь познакомиться. Мой официальный жених.

- Откуда?

- Кардиохирург. Молодой, но растущий.

- А как человек-то, ничего?

- Я ж его в глаза не видела! Мне его мама сватает. Москвич. С перспективой. Папу же мамиными молитвами в столицу перевели, теперь вот за мою судьбу похлопотать надо. Усе по плану. У меня одна надежда: перспективный на стукнутой жениться не захочет. Поищет нетравмированную.

- А мама?

- А что мама? Жалко мне ее. Она ж меня дважды уже могла потерять из-за своих жизненных принципов. Или тогда, в метро, если бы я упала менее удачно. Или давно бы меня как человека потеряла. Если б я эти принципы приняла. Ну ладно, давай об этом не будем! Пшли гулять!

...И снова летела серая стенка тоннеля, и снова - который день! - стук колес, стук колес, стук колес...

"Аньке холодно в жаркой Москве! Я уже сбился со счета, сколько раз в жизни ощущал кожей вот этот человеческий холод..."

- Очнись, Васильич! Как там Казань, стоит? Боков трехкилометровые песни все пишет? Муравей бардов приглашает?

- Все хорошо, Аня. Все хорошо.

...Колесили. Утешали друг друга, над похождениями своими взахлеб смеялись. Только билетов прямых до Ленинграда не достали.

И Андрей поехал с Наташкой дальше. Электричками в ночь.

7

На калининском перроне было пустынно - семь ребят и восемь девчонок с одной гитарой пустынно не нарушали. Андрей с Наташкой почуяли в этой стайке что-то родное, тихонько сели рядом - подслушивать песни. "Я б лошадей на уголь перевел, на антрацит, но лошади не хочуть..."; "Парус на ветру трепещет крылом, побегу за парусом берегом..."; "...И над бульварами линий, по-ленинградскому синий, вечер спустился опять. Снег, снег..."

Все знакомо до боли, все когда-то перепели сами. От Балтики до Тихого самый добрый пароль земли нашей - эта песня, которой "до сих пор не придумано точного определения, но которую мы с вами все безошибочно определяем душой".

А ребята все пели, время коротали: ждали кого-то. Электричка. Еще одна...

Подкатил какой-то поезд: "Пш-пш-стоянка... адцать ...инут". Из шести вагонов разом вылетели шесть девчонок-проводниц в стройотрядовских куртках и начали на перроне крутить "колесо". Потом еще что-то несусветное. Шесть хрупких фигур влились в общее буйство так, будто иначе и не могло быть. И тут Панкратов разглядел куртки: на спине во всех красках стрела самолета и буквы: КАИ. Ка"вцы! Казанский авиационный - самый поющий, самый танцующий и вообще самый лихой среди всех казанских альма-матер. Из первого вагона вылетело что-то большое и черное, обняло Андрея:

- Привет, Андрюха, как ты здесь?!

Наиль Галиулин, старый друг по театру миниатюр!

- Ну, ка"вцы, горазды вы с ума сходить!

- О, я сам без ума от наших девушек! Они с нами держали пари: если смогут покрутить колесо на перроне, все мужики скидываются и в Питере их кормят за свой счет. Так что плакали наши денежки. У Андрея моментально сработало:

- Наиль, возьми грех на душу, довези человека!

Андрей запихнул Наташку в вагон. Поезд начал лениво отползать. Под стук поезда на ходу договаривали с Найдем.

- Смотри, я ревнивый. В Казани встретимся!

- А я женился!

- На ком?

- Хуже не придумаешь: красавица, без высшего образования и еще коренная одесситка. Съел? Знай наших.

- Где ты ее откопал?

- Уметь надо! Такая одна на весь свет!

Поезд отходил. Толпа с гитарой ушла. Музыка кончилась. Откуда-то громыхнуло, и пошел шальной дождь. Поезд пошел быстро. Прощанья как будто и не было: адресами обменялись давно, на будущее ничего не обговорили. Только два отчаянных крика над перроном...

- Андрей!!!

- Наташка!!!

И дальше - рельсы блестят под дождем, огоньки мигают. В какой-то проходящий поезд впрыгнул быстро и остался в тамбуре стоять: лишь бы доехать. А ревизоры не тронут: станций до Москвы больше нет.

...Все-таки получилось, как в плохом кино - с ливнем и грозой. Ну ладно, как уж получилось...

И шел ливень, и шел поезд, и уезжала Наташка. "Ну вот я и одна. И сейчас я, Наташа Белецкая, двадцати двух лет от роду, вымахавшая до метр шестьдесят восемь, нажившая шесть диоптрий близорукости, но не нажившая ума, должна наконец дать себе отчет - что же произошло? Эти думы я гнала от себя целых четыре дня, но сегодня я могу назвать вещи своими именами: среди трех парней и двух девушек, оставивших меня на Керченском вокзале, был Рома Щербаков - мой официальный жених, как сказала бы Анька. Этот человек нравился всем, кроме меня. Но чтобы я разобралась в этой неприязни, ему пришлось совершить вот эту - большую и настоящую маленькую подлость. А до этого я просто - там иронизировала, тут его вежливо укалывала. И ребята шипели за глаза: "Змея очковая. Ничего не прощает. Сейчас же время такое. Хочешь жить - умей вертеться". А я и вправду ненормальная какая-то: не могла ему простить, что вечно опаздывает всюду. Что обещает многим многое и не делает. Меня вроде бы и не подводил, а вот друзья мне часто звонили: "Наташ, найди Рому. Он мне должен был..." Вроде бы по большому счету, и хороший - умный, веселый, компанейский, до жути теплый. Непорядочным тоже не назовешь, только не было маленькой щепетильности на маленькие дела. Но ведь эту щепетильность как норму поведения сейчас никто не исповедует. Значит, я дура. Не могу понять, что в темпе нынешней жизни Ромкина легкость бесполезна. Да и кому я нужна-то, кроме Ромки? И в доме он у меня как родной. Стоп. Когда это было? Это же все было ДО. А я по инерции мыслю, как четыре дня назад. Я все разрушила.

И перед глазами стоит другой человек - грубоватый, язвительный, до смерти боится показаться лучшим, чем он есть. И оказывается, можно вполне быть от мира сего и в то же время быть честным. А Роман Евгеньевич тебе четыре года тихо внушал, что честный человек не выйдет с честью ни из одной

трудной ситуации. Побоится драться, не пробьется, не сломит? И все честные - они шизики, которым от жизни просто ничего не нужно. И ты чувствовала себя шизиком. И вдруг четыре дня ты нормальный человек, умеющий стоять на земле, хотя ничего в тебе не менялось. Что ж ты гадаешь, Наталья Антоновна? Очень простая штука приключилась: первый раз в жизни ты встретила человека из одного с тобой теста. Видишь вот: прижала жизнь - и сразу дошло, кто свой, а кто чужой. А если б не прижала? Значит, если бы меня не забыли на Керченском вокзале и этот парень не был бы мне нужен, чтобы пересечь полстраны без прямого билета... Так-так... Значит, в любой другой обстановке я бы его отшила? И вышла бы замуж за Ромку, потому что это было бы по классическим канонам: один город, одна компашка, один круг, четыре года дружбы? И подыгрывала бы Ромкиной легкости всю жизнь? И считала бы, что несходство жизненных позиций - это дело житейское, а подобного себе все равно в жизни не встречу?! "Чужих людей соединенность, и разобщенность близких душ". О господи! Кто же это нас всех-то разводит? От кого, как не от себе подобных, беззащитных и непрочных, наша круговая оборона: отключенные телефоны, железная ирония, неприступный вид? Нахрапистые и деловые нашу оборону прорвут. А свои в доску, родные души за бортом останутся. Будут ждать деловых и нахрапистых, которые подберут их. Но я уже сожгла мосты. Хотя долго еще будет вертеться в голове ходкая фразочка, что за четыре дня старое разрушить можно, а новое создать нельзя... Ладно, иди спать. Наиль ради тебя ушел в соседний вагон и оставил тебе проводническое купе. Посмотреть бы на его красавицу и коренную одесситку. А что, может быть, еще в Казани увидимся, а?.."

...И шел ливень, и шел поезд, и уезжал Андрей.

"Закрыть бы сейчас глаза, потом открыть и как будто проснуться. Как будто все мне приснилось. А то просто переварить ничего не могу. Слишком много что-то сюжетов за четыре дня. Девушку с лицом мадонны и фигурой Жаклин Биссе забывают на вокзале, как драный чемоданчик; Аня Назарова чуть не отправилась на тот свет, потому что ее пробивная мама очень хочет для мужа столичной карьеры, а для дочери - столичного мужа. И в довершение всего - это безумство на перроне с танцами и акробатикой... "Кинематограф, представленье, сентиментальная горячка". Стоп. Хватит. Очнись, Васильич, или ты еще не понял, что все произошло на самом деле? Ты заигрался в студенческом театре со своим другом Наилем, и уже не воспринимаешь жизнь иначе как громадный спектакль, в котором все играют заранее выученные роли. Доктор Чехов! Простите нас, доктор Чехов! Жаргон у нас, да-с. Одежда непотребная. Песни шальные. Манеры неизысканные. Но мы пишем свою пьесу честно. Вы смеетесь? Пожалуй, вы правы: я забыл самый гениальный сюжет. Как встретились на краю света два смертельно близких человека и чуть не послали друг друга ко всем чертям. Вы качаете головой, Антон Палыч? Говорите, вам непонятно, как такое могло произойти? Да я тоже не пойму, что с нами всеми происходит. Я пережил четыре дня сумасшествия. Проклятая палатка. Не переть бы мне ее до Харькова - не было бы этих сумасшедших дней. Вернулся бы в свою жизнь, ВЫСЧИТАЛ какую-нибудь красивую с плохой зачеткой, женился. Во имя чего? И для чего? Чтобы лет через пять, семейно-обрюзгшим человеком встретить в дальнем аэропорту вот такую Наташку замужем за одним из тех, что кидают людей на вокзалах; пересидеть задержку рейса часиков двенадцать, разговориться и сойти с ума обоим? Но я схожу с ума уже сейчас, когда думаю, что Наташка должна была уехать из Крыма мурманским поездом, а я - казанским самолетом. Если принять как истину, что каждый человек неповторим - есть от чего сойти с ума. А сходить с ума добровольно не хочется. Человеку нужна защита от разлук, украденных невест, потерянных друзей. Такая защита существует: прими за истину, что нету неповторимых людей - и будешь ровно жить и честно работать, не мучая никого своими метаниями. Где же истина? С кем я уже об этом спорил и ни к чему не пришел? Ах да, Самосвал... Он же Игорь Абрамов. Шел трамвай девятый номер, Самосвал говорил:

- В разных городах однотипные люди сколачивают однотипные компании. В них в зависимости от уклона - одинаково спорят, одинаково одеваются, музыку слушают одинаковую. Компания хороша, пока

сколачивается. Тогда еще есть прелесть новизны. Жить радостно. Каждый человек тебе интересен. Так и кажется, что нерядовые люди в твоей жизни будут пачками, пачками! А потом...

- А что потом?

- Как узнаешь каждого до мелочи, как сможешь предугадать каждый его шаг, и жизненный тоже, тогда - все... Скука. Нет людей вокруг и не будет. Конец света. И через сколько-то времени - все сначала. И так всю жизнь по синусоиде ходить будешь. Я уже находился, аж качает.

- Это от трамвая. Самосвал?!

Игорь переваривал неприятности по мере их поступления за весь последний курс института. Осенью влюбился в москвичку, как пацан, без всякого расчета, а там бдительная семья нашла партию повыгодней. А весной отняли одну на Казань ставку психиатра: прощай, работа на кафедре. Взял назначение в больницу КамАЗа: психиатром на ставку, психотерапевтом за "спасибо". Немыслимому заводу с бешеным ритмом нужен психотерапевт, а Игорю - психотерапия, которой он занимался шесть лет института, помимо науки на кафедре. Что ж, Самосвалу на КамАЗе и место. Каламбур-с...

...Тот трамвай девятый номер мотался где-то по Казани, а только истина делась неизвестно куда: то ли осталась с Андреем, то ли с Игорем; а может, вышла тогда она из трамвая сама где-нибудь на остановке "Молодежный центр" и зацепилась за кого-то из казанских прохожих.

8

...Андрей, после сна, ощупью как-то добрался до аэровокзала и, как мешок, плюхнулся в домодедовский автобус. Полностью очухался в казанском самолете и не мог вспомнить, как добыл билет. Снова сон, автобус, троллейбус, трамвай.

...Наташка вошла в свой двор-колодец на Большом проспекте. Было на удивление тепло, и распахнуты окна. Наташка знала наизусть, в каком окне гениальный ребенок денно и ночью пилит гаммы, из какого - мультимиллионер Челентано надрывается о тяжелой доле бедного итальянца, откуда вечно скандалит и срывается на женский крик ревнивый кандидат физматнаук. А ее окно в дальнем конце колодца распахнуто тоже и глушит народ сводкой новостей - это ее глухая бабка включила телевизор на полную катушку. Бабка оглохла в блокаду. В семье у Наташки - "трое по одному": бабка, отец и она. Дед погиб на войне, мама их оставила давно,- что там стряслось, Наташка не помнит. Ну вот, бабка выглянула в окно и засекла движущийся объект:

- Наталья! Марш домой, где ты шлялась?! Ромка принес твои вещи, сказал, что ты потерялась на вокзале, хоть бы позвонила, мы бы знали, что ты жива.

Ну что пререкаться с бабушкой! Звонила раз пять и из Харькова, и из Москвы. То в Ленинград не прорвешься, то дома никого. Раньше бы в такой ситуации Ромке позвонила, но сейчас... Все. Вот я дома, вот я влезла под душ, вот умяла завтрак и отсыпаюсь. Во дворе зафыркало папино такси: Антон Осипович пожаловал на обед. Папа-таксист - это славно: каждый куст в городе знает и всех ленинградских знаменитостей хоть по разу, но возил. А я сплю. А меня, кажется, к телефону.

- Спасибо, Рома, у меня все в порядке.

- Молодчина. Мы так за тебя переживали. Представляешь, нам всунули тогда билеты эти на мурманский поезд за три минуты до отхода. Мы бросились все врассыпную по вокзалу, тебя нигде нет, а он уже гудок дает. И потом три дня от тебя ни слуху ни духу. Наташка, ну не спи на ходу, слышишь меня? Я ж посмотреть на тебя хочу, сегодня же, я уже забыл, как ты выглядишь!

- Можешь забыть совсем, Рома. Я замуж выхожу. Если по делу нужно будет, звони. А просто так больше не надо.

- Что ж ты наделала, Белка?

...Щелк-пик-пик-пик... Повесила трубку. Готов: больше не позвонит. Отец все слышал. Теперь не отшутись и не отмолчаться: Антон Осипович - ленинградец старой закалки и до высшего образования не дошел только в силу разных грустных обстоятельств своей молодости. Что ж ты наделала, Белка? Занимай оборону: иди в свою комнату брэнчать на гитаре. Отец пришел. Глаза грустные-грустные и улыбается через силу.

- Наташа, я не ослышался? Если ты всерьез, то хоть бы мне сказала, а в шутку - такими словами не бросаются...

- Я всерьез, папа.

- Насколько я понимаю, ты с НИМ знакома не больше четырех дней. Ты ведь только четыре дня путешествовала одна?

- Так, то есть не так. Уже не одна.

- Наташ, я ведь тебе говорил, что у тебя рано или поздно сдадут нервы?

- Говорил. Но при чем тут...

- Ладно, при том. Я ведь тебя просил не идти в хирургическую группу и не подрабатывать в реанимации? Говорил же, что девушке не сдюжить? Говорил, что ты себя измотаешь? Говорил, что я и так смогу тебя обеспечить?

- Было такое.

- Ну вот, видишь, я оказался прав. У тебя нервы действительно ни к черту. Только из-за элементарного недоразумения выкинуть на свалку старых друзей и вцепиться в первого встречного!

- Пап, ты о чем? Какое еще недоразумение?

- Да если бы ты отказала себе в удовольствии отоспаться на вокзале, ты уехала бы вместе со всеми! Ромка, между прочим, за твой билет из своего кармана платил. Я ему отдал, конечно, но ты понимаешь...

...Молодец, Роман Евгеньевич! Чуть-чуть акценты переставил, и вот уже ситуация читается совсем по-другому!

- Пап, и ты считаешь, что Ромка прав?

...Господи, какие у отца глаза усталые!

- Ну а как не прав? Конечно, прав. Бросились бы они тебя искать по всем углам - может, до сих пор бы до Ленинграда добирались.

...Ай да Ромка! Ты, оказывается, еще и герой: оставив на вокзале чокнутую невесту, смог довести домой из Крыма в разгар сезона четверых друзей! А то ведь померли бы твои друзья на Керченском вокзале во цвете лет... Но вы живы и здоровы, и я рада за вас, друзья мои. Вы одним махом отделались от двух неудобств, омрачавших ваш прекрасный южный отдых. От долгого сидения на вокзале и от меня. От неразумной девочки в очках по кличке Белка. До тебя не дошло, Рома, что не возьми ты тогда эти билеты на мурманский поезд - не перевернулся бы мир?! Как-нибудь все равно бы до Питера добрались. Нет. И не дойдет...

- Пап, а если я этого человека просто люблю? И Ромка тут ни при чем. Не думаешь же ты всерьез, что я могу назло замуж выйти?

- Не знаю. В гневе все бывает. И потом, если бы ты знала, Наташ, как я ненавижу все эти дорожные романы. Мне, что ли, тебе объяснять, что за четыре дня знакомства человек будет стараться выглядеть

лучше, чем он есть, и вообще может про себя с три короба наврать. Он хоть кто?

- Врач "Скорой помощи". Родная душа. Звать Андреем.

- Господи, вы на что жить-то будете, если он такой же, как и ты? Два идеалиста в одной семье - не много ли? Если б ты за Ромку вышла, я б хоть был спокоен, что он семью прокормит. Ты ж на земле не стоишь! Он ленинградец?

- Казанец. Тебя пугает провинциальный зять?

- Не цепляйся к словам. Ему, конечно, очень хочется в Ленинград?

- Пап, как ты можешь? Он сказал, что заберет меня к себе.

- Вот как? И ты туда поедешь? Ты хоть раз в Казани была?

- Нет.

- Твое счастье. Старый город, и с продуктами вечная неразбериха... У нас же с бабкой, кроме тебя, никого нет. Как же мы? Уж ладно, гордость есть гордость, но перетаскивай его сюда. Стерплю.

- Пап, он не поедет. У него родители больные. И работа на кафедре, он ее не оставит. Он же без аспирантуры, на автопилоте.

- Если не врет.

- Не врет. Я уже с несколькими друзьями его знакома, он же их не подговаривал себя рекламировать?!

- Значит, уедешь? Тебя ж хотели в твоей реанимации оставить, место держат. Тебе плевать на их хлопоты? Я, конечно, тебя за Ромку силой замуж не гоню, но, мне кажется, хорошего человека можно и в Ленинграде найти, если Ромку считаешь плохим. Ну зачем уезжать-то?

- Знаешь, пап, если в ленинградца влюбиться можно, а в казанца запрещено, то это уже не любовь. Это черт знает что.

- Черт знает что... Выпороть бы тебя хорошенько, да больно взрослая уже стала. Ладно, делай как знаешь. Только меня потом виноватым не делай. Мое дело было предостеречь, дальше пеняй на себя.

...Антон Осипович надел свою столетнюю кожанку, тяпнул таблетку валидола и с порога бросил:

- Дал господь счастье - умную дочку. Лучше б нормальную подкинул...

...Андрей входил в свой двор. Из соседней пятиэтажки неслись гаммы. Вечная вам слава, гениальные питомцы музыкальных школ, маленькие жертвы большого родительского тщеславия! Вы наполняете музыкой наши дворы, и иногда из вас вырастают при этом настоящие музыканты. А ежели нет - то не беда. В Казани из музыкального недочуки завсегда может получиться хороший бард. Так, рюкзак снял - можно звонить в дверь.

Дверь открыл заспанный отец:

- Вынеси ведро!

...Приехали. Хоть бы поздоровкался сначала. Все, с ведром покончено.

- Ну, здорово! Как добрался?

- Хорошо, с ветерком. Ты чего дома? После дежурства?

- Да. Ну сегодня ночь спокойная была. Экстренный день, один перитонит, восемь аппендицитов. Ты уж за ведро извини, я после этой спокойной ночи на рогах пришел. Грей завтрак, я второй раз за компанию

откушаю.

- Все шуточки шутим?

- А шо у тебя ышо в рюкзаке - кирпич?

- Керченские копчушки - ето рыба ихняя. И полтонны усяких конфет!

- И не лень было переть? Конфеты Лелька в два счета прикончит.

Лелька - это младшая сестра. Предпочитает откликаться на Ольгу Васильевну. Второй курс консерватории, конфеты обожает, фигуру не бережет. Колотит фоно с утра до ночи, по дому все делает и еще в диско-балете танцует. И лишний вес на таком режиме не наберешь, и пока что не до кавалеров. Но сейчас ее дома нет - умотала с подругами на Волгу, мать на работе - лечит деток. Вот так: почти вся семья врачебная, а что Лелька в музыканты подалась - так никто ж ее туда силком не тянул. Пианино старенькое, осталось от немецкого деда, звучит дай боже. Это Лелькины владения. Андрей себе тоже угол отгородил, шестиструнку и двенадцатиструнку на крючки повесил, прилепил к стенке битловский плакат...

Сейчас Андрей разберет рюкзак, потом отоспится, приведет себя в божеский вид и уедет в больницу выяснять, куда завтра прийти. Конфеты оставит на растерзание с запиской: "Лелька, имей совесть! Все о'кей..." Все о'кей? Неужели?..

- Ага, явился не запылится. Что-то ты в Крыму не загорел совсем?

Заведующая терапией была дама, знающая толк в жизни и в расцвете сил.

- Ляля Фатыховна, мне куда завтра выходить?

- Сейчас, Андрей Васильич, посмотрим график. Минуточку. Ну, по графику тебе надо заканчивать терапию, но у меня все забито. Кочетова беременна, я уж поставлю тебя на "скорую" вместо нее, а Лена останется тут. Идет?

- Идет. Только вы не боитесь, что я могу нечаянно в полном объеме терапию не пройти? Интернов-то много ведь, а график трещит?

- Ну, не пройдешь, так и ладно. Ты ведь, по-моему, не очень-то рвешься в практическую медицину? Хотя работаешь вообще-то красиво, но не рвешься.

А вот этого Панкратов всегда терпеть не мог, когда о человеке судят не по его делам, а по каким-то там потаенным мыслям. И он не удержался - поднял руку в плакатном жесте, сделал кирпичную физиономию и, стоя в дверях, отчеканил:

- Вступайте в ряды телепатов!

С этим и ушел, слыша вдогонку:

- Очень жалко с тобой расставаться! Тебя так хорошо было посылать в магазин, когда чай пили!

Панкратов грустно подумал: "Конечно, с большим удовольствием она послала бы меня значительно дальше, но воспитание, видимо, не позволяет..."

В доме все по-старому. У Лельки передышка в истязании пианино, можно включить патефон. Итальянское барокко приводит нас в чувство. "Под музыку Вивальди сыграем в дурака". Сам дурак. Лелька наконец учуяла, что брат в доме, бежит из кухни подлизываться: гетры до колен полосатые, мини-мини юбочка, футболка в обтяжку - полный вперед, вокруг головы ленточка. Дитя аэробики. Или жертва? Боевой вид и святая наивность в больших синих глазах - как в ней все это уживается? Ты ей ничего не расскажешь, любимый брат? Нет. Будут телячьи нежности без слов, будем слушать классику, сидя в обнимку. Стоп, машина! Лельке надо играть дальше, а я пошел ужинать в одиночку. Хорошо, что в одиночку. Я боюсь

разговориться. Поужинали, ложимся в десять, в комнату стучится отец, хочет поговорить:

- Вы чего как первоклашки?

Ольга уже седьмой сон видит. Отвечать мне.

- Пап, мне завтра на работу вставать рано.

- Как ты над собой трясешься! Некрасиво. Не по-мужски.

- Да не трясусь я. Просто спать хочу. Ты знаешь, я замечал, что от обсуждения мировых проблем в двенадцать ночи мировые проблемы никуда не деваются, а вот высыпаться прескверно.

- Однако надо быть очень сытым, чтобы спокойно лечь в десять и не хотелось досмотреть фильм или излить душу.

- Я не сытый. Но все равно ночные споры, впрочем, как и дневные, на самом деле истин не рождают. И если я буду в дополнение ко всем моим дурным качествам еще и невыспанный, кому я такой нужен?

- И ты ничего не хочешь нам с мамой сказать?

- Я хочу сказать "спокойной ночи"!

...Отец ушел. Я соврал, что не знаю, чем кончается обсуждение мировых проблем в двенадцать ночи. Я знаю, чем это кончится: Василий Игнатьевич распалится до приступа стенокардии из-за какой-нибудь проблемы, а Анна Францевна будет совать ему нитроглицерин, а он - доказывать, что пройдет и так. А все же я становлюсь несносным типом. Мне действительно со всеми стало не о чем говорить. Что стряслось? Да ничего страшного. Просто вышел из возраста, когда решаются проблемы, общие для всех людей, и вступил в полосу, когда мои проблемы стали касаться только меня. А у родителей погас свет. Поругали меня за черствость и спокойно уснули. Обошлось без стенокардии. Теперь можно спать самому.

Утро. "Скорая". Сегодня поедем с кардибригадой. Откачиваем. Раздышиваем. Между выездами смотрим телевизор на подстанции, а желающие особого шика слушают через стереонаушники мой "Панасоник". Два заезда домой: Лелик! Разогрей чего-нибудь пожевать! Вечер. Казанские сердечники занервничали. Марк Лазаревич, о котором на подстанции ходят слухи, что он диагностирует инфаркт с порога, ставит в машину маленький телевизорчик. Чутье у мужика действительно борзое: весь вечер кардибригада будет принимать адрес за адресом только по рации и на подстанцию не заедет. Марафон продолжается. По телику "Осенний марафон". Здесь диспетчер по рации просит: "Кардиологическая, запишите адрес, пш-пш...", там Бузыкин в трубку отвечает: "Записываю: в семь вечера кафедра". Приземлились на подстанцию. Чай. Рыбацкие страсти вперемешку со шмоточными у мужчин и женщин соответственно. Ночь, казанские сердечники ведут себя спокойно, а утром начинается дождь. Плакал пляжик. Но сегодняшним днем можно пожертвовать: поскольку за ночь не тормозили и отоспаться дали, остаюсь до девяти вечера, то бишь еще на две смены. Два заезда домой: не плачь, Оля, вот заработаю отгулы, тогда и на Волгу братца прогуляешь...

...Давление. Температура. Живот. Живот "увозим" в дежурную хирургию: наверное, все съели чего-нибудь. Чай. Керченские козинаки, дружный вой в ординаторской: иде достал?! У-у-у... Спасибо. Задремал. Подняли - давление. Приехал - сбил. Рахмат. Это по-татарски "спасибо", а по-русски бабка не знает. Дадут сегодня глаз сомкнуть? Нет, не дадут. Рация загавкала: "Ласточка-десять, обслужите адрес - Хади Такташ, девяносто три, квартира, пш-пш, живот болит, как поняли, прием". В Казани дождь. На Хади Такташ, как всегда, слегка размыто, но к подъезду подкатили. Пятый этаж, якши. А если носилочный? Лифта нет. Открывают. Хата претенциозная: это под дерево, то под кирпич, на совмещенном санузле из газетного шрифта смонтирована надпись: "Зайдешь без стука - вылетишь без звука". Юмористы, однако. Юмор бьет через край - три часа утра, а в доме еще шальные гости с затянувшейся гулянки. Предлагают

вмазать. Больной-то кто? Гогот: "Чувак, зачем те больной, давай лучше с нами по сютю-сютю, а?!" - "Я запишу ложный вызов". - "Ну ладно, эт сюда".

В самой маленькой и чистенькой комнатке сухоньякая старушонка, явно в эту братию не вписывается, а ведь с кем-то из них одной крови. Жестами показывает, где болит, без аппарата давно уже не слышит, и ноги не ходят. Аппендицит явный, а бабка-то еще не очень старая, прооперируют спокойно. Пишем направление, просим сбегать в машину за носилками, и вдруг - ненавидящий взгляд:

- А она в больницу не поедет!

- Ей надо срочно на операцию.

- Слушай, ты, клизма, я ведь тоже газеты читаю, ящик смотрю. Ты приехал - так оказывай помощь, не пори муму насчет больницы. Или у вас на "скорой" только одно лечение: увезти и спихнуть?! Ну сделай ей чего-нибудь! Ну!!

- Ей нельзя сейчас ничего сделать.

- Не, земляк, так не пройдет. Давай рассуждать логически. От операции она все равно откажется, а если таблетки глотать - это мы ей и дома все достанем. А ухода за ней нормального все равно в больнице не будет. Так чего ей ехать?

- Кто это тебе сказал насчет ухода?

- Парень, я тебя, конечно, уважаю, но мой тебе совет: канай-ка ты отсюда, пока живой. Понимаешь, у нас тут свои отношения, и ты не лезь. Она ж нас всех достала уже своими болезнями. В общем, понимаешь?..

...Понял. Ну черта-с два тебе, скотина! А что черта-с два? Сбегать вниз за носилками - они дверь не откроют. Шофер Вася - в миру Васих Сафин - мужик могучий, но пока его докричишься, эта команда тебя с лестницы спустит. Один шанс: эта комната - по коридору ближняя к двери. Хорошо.

- Выйдите все, пожалуйста, в зал, я ее в последний раз посмотрю и решу.

Вышли. Налили - и обо мне забыли. Сгребаем ошалелую бабку и в одеяле несем на руках с пятого этажа без лифта. Тяжело. Быстрее. Есть. Довезли в хирургию, там взяли на операцию. Утром позвонят на подстанцию и сообщат, что все в порядке и уже смотрел профессор. А пока - ночь. В Казани идет дождь. Спасибо, Васильич, выручил старшего врача. Имеешь законных шесть суток отдыха.

Три часа отлеживался дома, дальше Лелька не дала. Утащила на пляж. В Казани кончился дождь, народу что на Волге, что на Казанке - безлюдного места не ищи. На Лельку нет-нет да и метнут восхищенные взгляды. Смущается. Одевает ласты и заплывает куда подальше. Но не век же на фарватере мотаться, тем более на берегу журналы, термос, "Поросенок", и брат волнуется. Пулей обратно. Сымаем калоши, вылазим из воды, распускаем волосы.

Андрей залюбовался Олей. Ну вот на Лельку сейчас глянуть - что, на ней написано, сколько часов в день она у фоно? Нет. Праздный вид, легкомысленный стиль. Красивая, талантливая моя сестренка. ТЕБЯ ТОЖЕ когда-нибудь забудут НА ВОКЗАЛЕ?"

Неужели у каждого из нас есть попутчики, которых до поры до времени не отличишь от друзей?

9

...Это случилось на третьем курсе. Последний день года был будним, все занятия состоялись по расписанию, и посему Новым годом вообще не пахло. Пахло еловыми ветками в комнате родителей, но родители уйдут к знакомым. Лелька будет бушевать с одноклассниками - салагам не терпится побыть взрослыми. Андрей досыхал после капитальной мойки, лежа на диване. В шесть вечера зазвонил телефон.

Панкратов спросонья бросил:

- Слушаю вас.

- Старик, зачем так официально? С Новым годом тебя, Андрюша.

- Спасибо, Наиль, тебя тоже. Как твои дела?

- Мои ничего. А вот твои худо. Твоя компания в полном составе укатила на дачу, хотя вроде намыливались встречать здесь.

- Ты что, серьезно?

- Серьезно, старик. Я видел, как они садились на электричку.

- Ты у них ничего не спросил?

- Нет, не успел даже подойти. Они уехали на васьильевской, а я сам звоню с вокзала, жду свияжской.

- А ты где встречаешь?

- У родителей, в Зеленом. Так что никуда тебя пригласить не могу.

- Да что ты. Я бы в каевскую компанию не вписался.

- Очень даже вписался бы, да вот видишь - вписываться-то некуда. Ты уж меня извини, я тут как сорока на хвосте, плохие вести принес - и сматываю.

- Наиль, о чем речь? Спасибо, что предупредил. С наступающим тебя!

- Спасибо, пусть тебе в следующем году везет больше, чем в этом. Всего тебе!

Наиль Галиуллин сказал не всю правду. Он успел с ними поговорить - с теми, кто уехал васьильевской электричкой.

- Здравсе, деички, здравсе, мальцики, с нассуаюссим уас!

- Сысибо. Насе вам с киссыськой!

От стайки отделился элегантный и невозмутимый Абрамов и отвел Наиля в сторону.

- Вахитыч, у меня к тебе колоссальная просьба: Гитаристу ничего не говори. Ты нас не видел, где мы - не знаешь. Так нужно. Для нас всех. И для него - тоже...

- Слушай, Самосвал, что за интриги мадридского двора?

- Помилуй, какие в нашей деревенской ватаге интриги? Житейское дело: все любят встречать Новый год в обществе максимально приятных им людей, и один случайный человек может тут испортить всю малину. Ну, ты все понял, да?

Наиль Галиуллин понял только одно: чем скорее он предупредит Панкратова, тем скорее его друг найдет из этой ситуации выход.

...После звонка минутное оцепенение сменилось каким-то внезапным автоматизмом: поставил на патефон пластинку, стал одеваться, как в гости, стал перебирать варианты. Отпали каевская компашка, консерваторская, юрфаковская. Туда не звали, здесь могут быть эксцессы, у тех неизвестен адрес. Школьная компания не собиралась давно: многие самые яркие одноклассники учатся в других городах. Стоп: в других городах, в других городах... Сейчас только шесть с копейками часов. Куда-то ведь еще и можно успеть. Он набрал справочную Аэрофлота:

- С наступающим вас, девушка. Какие рейсы идут с восьми до девяти?

- Ленинградский задержан до двадцати тридцати.

- А места есть?

- Есть. Боятся рисковать на Новый год.

- Ясно. А в полдевятого он точно вылетит, Алена?

Самую эффектную девчонку Казанского аэропорта он узнал по голосу и понял, что сегодня будет ее лицезреть.

- Вылетит, я точно знаю. А ты кто?

- Приеду - скажу. Зажми мне одно место на Питер. Чао какао!

Алена Бабаева на крючке - билет будет. Михе Караулову на Петроградскую обещал позвонить в час ночи, а заявлюсь сам. Раз просил звякнуть, то будет дома, а коли будет, то не один: парень не промах, плохую команду не соберет. Без калыма в гости неудобно: в гастрономе берем кружок казанского сулугуни - грузинские ребята говорят, что казанский не хуже тбилисского, значит, и ленинградцы съуют. Чак-чак и хворост запасаем в кулинарке - это сокровище пойдет с успехом в любом конце Союза и за пределами. Разношерстный скарб, включая учебники на первый экзамен, прячем в элегантную сумку, и из жертвы заговора приобретаем вид праздного гуляки.

...Улочки старой Казани снежные, узкие. Парню со спортивной сумкой привычно в них как дома, и до аэропорта он доберется вовремя, не тратя нервы и не лова такси. Он уезжает. "От отчаянья отчаливаем..." "Мне трудно, вернувшись назад, с твоим населением слиться, отчизна моя, Ленинград - российских провинций столица..."

Посадка. Городницкого перебивает Высоцкий из динамиков самолета.

"Мне надо, где сугробы намело, где завтра ожидают снегопада!!! А где-нибудь все ясно и светло. Там хорошо, но мне туда не надо!!!"

Метро. До "Петроградской" - напрямиком. В двадцать три пятнадцать откроет невозмутимый, как всегда, Михя:

...Вылетела толпища человек двадцать.

- Господа офицеры, наш гость из Казани - Андрей Панкратов!

Мы еще споем Городницкого вместе. Мы еще побуяним! Новогодняя ночь кончится, но еще неделю Андрей останется у Михи и прилетит только к первому экзамену, спокойно выучив весь материал в Ленинграде. После этой ночи почему-то на всю жизнь останется ощущение: от Городницкого - дрожь. Останется трепет при одном слове - Ленинград. Город, который когда-то спас от душевного слома.

Виденье той ночи будет настигать Андрея не раз и не два. Что же это было? Мальчишеская выходка? Эффектный жест? Шиза? Игорь Абрамов, когда поздравлял с Новым годом, через неделю после ЭТОГО спросил:

- Андрюш, а у тебя с психикой все в порядке? И денег на билет не жалко было? Ведь два червонца в один конец.

...Андрей знал: чем изощренней и остроумней он ответит, тем легче Самосвал завяжет нежелательный разговор. И ответил просто:

- Конечно, в порядке.

...Конечно, в порядке. Не в порядке у тех, кто подчинился бы такой ситуации. Но эта ситуация была простой, а разрешилась из ряда вон. Бывает наоборот: ситуация посложнее, а выход - попроще. Но сколько людей, внешне вроде бы четких, не примут решение ни в одной из ситуаций своей жизни. Никаких и

никогда. Потому что для них сама потребность изменить что-то в привычном стечении обстоятельств немыслима: она означает несогласие с этими обстоятельствами, а несогласие означает бунт. Значит, в тот давний Новый год в принципе ничего не произошло. Просто взял и принял решение, неважно какое, но принял. Никому не сделал больно, но никому и не дал себя ударить, навязать свою игру. Оставил последнее слово за собой, а не за обстоятельствами.

...Кипел пляж. Андрей открыл глаза и приподнялся: бездонными голубыми глазами в него в упор смотрела сестра. Кончалось не самое плохое лето, и вдруг, раскрутив мысленно цепочку событий после распределения в институте, Панкратов понял: стечение обстоятельств повторилось. Сомнений не было; он знал в лицо, как выглядит Его Величество Стечение Обстоятельств: никто не виноват, а что-то случается; ты не виноват сам, а тебе плохо; вроде бы ничего и не случилось а все надо изменить. Оно ПОВТОРИЛОСЬ! Вот почему, увидев девчонку в керченском поезде, он первый раз в жизни сорвался: начал не обычное дорожное знакомство, а заговорил на языке отчаянья, понятном только тому, кто отчаялся сам. Четыре дня гонки, без билетов от моря и до моря, все неудобства нипочем, все с полуслова. Куда-то провалились старые подруги, рассчитанные ходы, необходимость притворяться человеком попроще.

Он боялся сказать себе слово "любовь". Просто его била дрожь, и он понял, что нечаянно может УМЕРЕТЬ, если больше не увидит ее.

В ординаторской было темно: Ленинград неумолимо становился осенним, и никто не включил свет. Наташка за дежурство выстояла на наркозе часов восемь, а то и все десять; время не засекала, но сегодня перенесла нагрузку скверно. Впечаталась в кожаный диван бледная, заплаканная, ее лихорадило, мысли не слушались. Она думала о том, что матерый профессионал закончил бы ее пошлый роман многоточием или, того и гляди, ухлопал бы кого-нибудь из героев, чтобы зритель вышел из зала, рыдая. Потом строчка из Визбора. "Ах, слава богу, братцы, что все мы вроде живы, и то, что мы нажили, у нас не украдут". Потом представила смешки в спину на своем распределении сумасбродка добровольно едет в Казань, пнув ленинградского жениха Потом разговор с отцом; отец настаивает на кабацкой свадьбе: "Так делают все, свадьба должна запомниться на всю жизнь", и свои ответ. "Спасибо, у нас и так хорошая память". Потом увидела самую задрипанную в мире казанскую электричку, увозящую в одном из вагонов толпишку человек в двадцать туристского вида. У толпишки с собой четыре концертные гитары, явная роскошь для похода, и не каждый может догадаться, что это свадьба. Снова строчка из Визбора: "Мы были так богаты чужой и общей болью, наивною моралью, желаньем петь да петь Все это оплатили любовью мы и кровью, не дай нам бог, ребята, в дальнейшем обеднеть..." Не дай бог! Что бы ни случилось, она не вернется в тот мир, где не бросаются в море дикарями, не ездят на перекладных; не решают судьбу иначе, как положив на чашу весов квартиру, аспирантуру, фигуру, музыкальную культуру... Не вернется. И строчка из Левитанского. "Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку - каждый выбирает для себя". Эта песня пронзает все, и последнюю ее строфу: "Каждый выбирает для себя, выбираю тоже, как умею. Ни к кому претензий не имею - каждый выбирает для себя". Наташка хочет повторять еще и еще, и нет сил взять себя в руки и встать с дивана, и уйти домой, потому что дежурство давно кончилось. Весь привычный мир стал непривычным, на древнем кожаном диване в ординаторской, в старой питерской больнице плачет красивая девчонка. Белый халат расстегнут, шапочка и очки сняты, волосы распущены; но ее никто не трогает и не призывает привести себя в порядок. Ничего не случилось.

Ничего не случилось. Просто плачет Наташка. Просто брякнет потом кто-то: до каких же пор разметанным по жизни интеллигентам российским требуется будет светопреставление, чтобы встретиться друг друга - и не проглядеть?..

Керчь-Казань, 1984-1985